

Мария БРЕГМАН

ЧЕЛНОВАЯ (рассказы)

Челновая

Бабушка моя из деревни Нешево родом. Дом там стоял такой добротный. Но когда ее маму парализовало, дети приехали к ней и стали решать, кто из них заберет к себе родителей. Ближе всего жила к Нешеву сестра Надя. Она и сказала: «Я заберу, но только дом мне тогда в Нешево останется». Что делать, раз сказала, так сказала. Обиделись, конечно, на нее остальные сестры и брат, но пришлось согласиться. Моя бабушка тогда уже в Москве жила, но хотелось ей в отпуск приезжать к себе на родину, в Смоленскую область. Хорошо, сестра ее младшая, Шура, позвала к себе. «Приезжай, говорит, к нам. Я сейчас с мужем и двумя детьми в деревне Челновой живу. Работаю здесь в клубе, фильмы показываю». Бабушка и моя мама с мужем собрались и поехали. Меня тогда не было еще. И стали они каждый год в отпуск ездить в Челновую. У мамы сестра моя Оля родилась, потом через три года и я. Привезла она из Москвы меня в деревню, мне еще трех месяцев не было. Бабушка люльку подвесит к потолку в пуне, где сено лежит, марлей меня закроет, и сплю я там весь день. «Арсентьевна, – кричали соседи моей бабушке, – Маша в пуне плачет».

«Ничего, сейчас приду!»

А мама брала меня в лес. Коляску возьмет и идет за грибами. В лесу удобно: вниз коляски грибы кладет и едет дальше собирает. Как обратно возвращается, заходит на Проварище в грибоварню. Грибы сдаст, деньги получит сразу, так подрабатывала она.

И жили мы весело в одном доме все. Тети Шурины дети, Леня с Толиком, утром рано вставали на рыбалку. Щуку огромную принесут, нажарит бабушка – всей семье хватит. А ту рыбу, что поменьше была, вешали на чердак сушить, а совсем мальков кошке отдавали на корм.

Раз напросилась я с ними на вечернюю рыбалку. Сели на самом высоком берегу Днепра, кинули удочки вниз. Сидим, ждем. А я волнуюсь, вдруг поймут... Поймали окунька. Положили в ведро, а сами дальше удочки закинули, сидят, ждут. А я уже не на поплавок смотрю, а все на этого окунька, что в ведерке. Он всей спиной выгибается, рот открывает, прямо в глаза мне смотрит. Я возьми и выпусти обратно. Как же меня Леня с Толиком ругали. Больше не брали с собой на рыбалку. Но я и сама больше не хотела с ними. А один раз зайца в лесу поймали, домой принесли. Хорошо, сбежал он от них быстро, жалко так мне было зверюшку.

Приезжали мы так каждое лето к ним. Пока не поругалась моя бабушка с сестрой. Хорошо, тогда рядом Никаноровна дом соседний продавала. Отдала бабушка денег. Та расписку ей написала. Вот и все оформление. И переехали мы в свой дом. Старинный, довоенный еще.

Как же мне интересно тогда было в том доме все рассматривать! Большая русская печь в центре стояла. Прялка в углу. А над прялкой икона висела. В сенцах лавка длин-

ная была. Там мы ведра ставили. Из колодца мама воды принесет. Два ведра поставит. А рядом ведро стояло, а в нем трехлитровая банка с молоком в воде, чтобы не прокисло. Холодильника тогда не было у нас. Мама рассказывала, что ее бабушка жабу в молоко кидала, чтобы не скисло. Но мы решили, что лучше в ледяной воде молоко сохранять. Прямо как в дом войдешь, была кладовка с подполом. Там в железном баке продукты мы складывали. В дальней комнате за занавеской два сундука стояло больших. В одном мы сладости и крупы хранили. А в другом – из одежды и белья самое ценное. Дверей тогда в комнатах не было, только занавески и перегородки делали вместо стен, это чтобы печка, которая стояла в центре дома, тепло свое отдавала по всему дому.

Умывались мы под рукомойником. В него водичку нальешь. А внизу ведро ставили.

Утром, как вставали мы с сестрой, идем умываться, а мама водичку теплую наливала. Так приятно. А то ледяной, из колодца, холодно было умываться. Бабушка утром печку затопит, кашу в чугуне поставит. А раз чуть не уморила она нас. Мама тогда в Москве была на работе. А мы с бабушкой жили. Спали мы с Олей вместе на одной кровати. Просыпаемся вдруг и не можем понять, что с нами. Ног и рук не чувствуем. Как вышла я из дома, не помню даже. Только помню, как упала сразу на траву и стала кататься по ней, полчаса так лежала, и отошло тело, слушаться стало. И в голове начало проясняться. Потом я узнала. Что угорели мы с сестрой. Еще немного и не проснулись бы мы тогда. Бабушка печку истопила, а когда трубу закрывать стала, не увидела, что еще полено одно догорало. А закрывать можно только, если маленькие угольки остаются и догорело все. Вот угарный газ и пошел не в трубу, а в хату.

Но забылся этот случай быстро. Жили мы в своем доме очень счастливо.

А сестра бабушкина уехала из Челновой и переехала в город, не стало здесь работы, как развалился Советский Союз и за ним колхозы. А дом свой продала. Да неудачно, недолго они прожили, еще раз продали... И так никто и не стал там жить. Развалился тот дом, стоит теперь покосившийся и без крыши. Весь зарос бурьяном.

Нешево

– Поехали завтра в Нешево, – предложила я маме. – Тянет меня туда.

До Нешево от Челновой недалеко на машине ехать. Сначала до Ельни нужно доехать. Потом двадцать минут – и Новоспасское село, где Глинка родился и рос. А от Новоспасского по песчаной дороге еще семь километров – и Нешево наше. Оттуда я. Вернее, не я, а мои бабушка, прабабушка и прадедушка.

– Поедем, доченька, и на кладбище в Ельню, – обрадовалась мама. – Там тетя моя, Вера Арсентьевна, похоронена, и моя бабушка, Вера Ивановна, и дед, Арсей Петрович.

Мама даже перестала чистить картошку, задумалась.

– Серьезный был дед. Как же мы все его боялись, и жена его боялась, и дети. Сядем мы кушать. Бабушка в пять утра, как корову подоит, печку растопит, суп туда поставит томиться. Вкусный суп получался. Молоко нальет, овощи все, что с огорода, положит. И dranиков напечет. К обеду и ужину готово все. Только чугуны достать, поставить на центр стола и ложки положить. Сидят все тихо, едят. Если слово скажешь, то дед Арсей ложку возьмет и так в лоб ударит, что ложка из дерева расколется. Слушали его все. Боялись

сильно. Один раз мама моя, – продолжила рассказ мама, – чашку его любимую разбила. Так испугалась, что побежала она на речку, чтобы утопиться. Но жил на деревне один немой парень. Схватил он маму. Спас.

А бабушка Вера какая добрая была. Из всех деревень вокруг к ней люди съезжались. Лечила она их, заговаривала. Идет она по деревне, если увидит пьяный какой в канаве лежит, вытащит, поможет, никогда мимо не пройдет. Очень добрая была и работящая. Спала на лавке у печки, даже раздеться не успевала, так и заснет в телогрейке калачиком. Я много могу про них рассказывать. Поедем завтра.

Утром мы встали пораньше. Растопили буржуйку, а то завтракать холодно было. И выехали на машине в Нешево. Старое кладбище в Ельне мы быстро нашли. Могилку тоже. А ведь искали мы ее несколько лет подряд. Вся наша семья искала от мала до велика. Не могли найти. Как моя бабушка умерла, не ездили мы туда. Заросло все. И вдруг два года назад трава посохла – лето было жаркое – и показались из травы две знакомые фотографии, помнила я лица родителей моей бабушки очень хорошо, хоть и не видела их живьем, но по фотографиям сразу узнала. Вот счастье было. Убрали мы тогда траву и запомнили дерево большое, березу около могилки, – теперь могилка не потеряется. Так и нашли в этот раз. Голову подняли, березу нашли, а под ней и могилка. Только вся чистая в этот раз была. Кто-то приезжал, убирал. Жалко, не знаем, кто. Потеряли мы контакты наших родных, так жизнь всех далеко разбросала. И на Украине, и в Свердловске, и в Санкт-Петербурге наша родная кровь. А кто приезжал в этот раз, не знаем. Зажгли мы свечу. Молитву мама прочитала. Блином помянули. Цветы полевые положили.

А сын говорит: «Мама, можно я дорожку камешками выложу?» Я говорю: «Конечно, сынок. Насобирали он на дороге камней, самые красивые выбирал. И выложил дорожку».

– Вот теперь приедут наши родственники и увидят, что были мы здесь, – сказал сын.

– Поехали дальше, в Новоспасское, – сказала мама. – Там моя мама училась в школе, четыре класса окончила. Больше отец ей не дал учиться. Говорит, мычки умеешь считать, да ладно. А дорога какая красивая. Вокруг поля до горизонта, весь круг виден, видно, что планета-шар.

Приехали в Новоспасское. Церковь старинная.

– А это папа храм построил? – вылез из машины с такими словами наш младшенький. Вот и вопрос у двухлетнего сына. Удивились мы. А за голубым забором усадьба, где Глинка родился и рос. Большая усадьба и территория большая с озерами и лесом. И дуб стоит столетний, что еще сам Глинка сажал. Хотели мы его обхватить, но так и не смогли, такой он большой.

Хотелось долго гулять по усадьбе и посидеть у озера в беседке, но тянуло в Нешево, и мы поехали дальше. Вот и дорога песчаная началась. Значит, семь километров осталось нам до нашей родной деревни. Приехали. Видно – есть еще деревня. Мало домов осталось, но живут еще. Встретили мы двоих мужчин у самого края. Вылезли из машины.

– Я же здесь девочкой росла, приезжала к своим бабушке и дедушке, – начала разговор мама. – Гореловы они. Может, помните?

– Как не помнить. Дом их сгорел.

– Да я знаю, – отвечала мама. – А как баба Дуня, что напротив нас слева жила, жива ли она?

– Нет, сгорела.

– Как? Когда?

– Два года назад. Все боялась, что ее обворуют. Все замки закрывала и проволокой заматывала. А ночью загорелась проводка, встала она, хотела выйти. А дверь открыть с испуга не смогла. Пока дверь выломали, уже задохнулась она от дыма.

– А дом-то сгорел?

– Нет, вон стоит. Там семья приехала жить.

Пошли мы дальше по деревне. Вот еще один мужчина вышел. Мама моя никак с ним наговориться не могла.

– А что же это так покошено здесь? – спрашивает.

– Так недавно батюшка к нам приезжал. Здесь раньше купель была. Он приезжал показывал – где. Рассказывал нам. Около крыницы она. Так мы батюшку нашего всей деревней встречали, покосили траву.

– Спасибо вам, Алексей, – сказала мама, – что все рассказали. Я бы еще долго с вами бы говорила, но идти надо.

– Сразу и не пойму, где дом наш стоял, – забеспокоилась мама. – Надо вспомнить. Напротив дома две березы росло. Там бабушка в их тени всегда грибы и ягоды перебирала. Напротив – справа – магазин был, где мама моя девочкой работала. И вишня у окна росла. Как сейчас помню. Сижу я, вышиваю возле окна. А гроза сильная была. Молния как ударит, и вишня на две части раскололась.

Стали мы искать место, где дом был. Голову вверх подняли, а вот и две березы растут. Нашли. Нашли и печку, и бревна обгорелые.

Сын спрашивает: «Мама, можно я скобу от двери возьму на память?»

– Конечно, сынок, – ответила я.

Мне самой хотелось и все кирпичи, и даже обугленные бревна забрать, – такое все это родное...

– Мама, давай огородим наш участок, – предложил по-хозяйски сын.

– Хорошо, сынок. Может, как-нибудь руки и дойдут, – пообещала я.

Сходили мы на крыницу, достали ведро с водой. Умылись все ею и отправились в обратный путь в Челновую. И долго молчали в машине: так хотелось сохранить в душе тепло от этой поездки и нашего родного Нешева.

Ураган

Весь день ждали урагана. Предупредили, что пройдет он по всей Смоленской области. Утром и днем было солнечно, ни ветерка даже, не то чтобы ураган. Я с детьми и мамой пошла в лес к Новоселью, боялась сначала, когда ветрено в лес ходить опасно, много деревьев старых уже, упасть могут. Но тут тишина...

Сели в машину, доехали до делянки с брусничкой. Взяли каждый по ведерку маленькому.

– Мама, слышишь, и птички замолчали, – сказала я маме.

– Да, – отвечала мама, – как хорошо собирать ягоды, погода как раз для леса. Ни комаров, ни водней.

– Страшно как-то, – продолжила я, – тихо слишком. Так в лесу не бывает. То шмель жужжит, то ветки хрустнут, и птицы наперебой поют, а тут как уснуло все.

Пособирали мы часа два и домой поехали. Приехали – и в деревне тихо.

Только к вечеру тучи налетели и дождь сильный пошел. И я успокоилась, наконец. Вот и дошла до нас непогода. Ветер и дождь – это не страшно. А вот урагана – как же я боюсь. Еще с детства. Когда мне лет пять было – был в деревне ураган. Вечером вдруг резко ночь стала, такие тучи темные налетели. И в окошко мы сидели, смотрели, думали, дом наш улетит: такой силы ветер был, трава легла вся, бросало ее из стороны в сторону, словно дикий табун по ней неся. Гул страшный стоял. Пережил тогда наш дом тот ураган. А когда на следующий день вышли и пошли в лес в сторону деревни Елчи, тогда поняли, что ураган-то нас стороной обошел. Полоса метров тридцать была, словно покосило небо огромной косой наши вековые ели, а что-то с корнем вывернуло. Такое не забудешь никогда.

Поэтому так я и боялась, когда ураган обещали, знала, что это за страсть такая.

Но рано я успокоилась. Ночью проснулась я от знакомого уже гула. Гудело так сильно, что я думала, в нашем доме случилось что-то. Дом у нас словно каменный, рамы двойные оконные ничего, обычно, не слышно с улицы, а тут я поняла. Ураган идет. Два часа смотрела я в окно с надеждой, что устоит наш дом, – устоял. Вот и второй ураган пережила Челновая.

Коля

Маму я всегда очень любила и скучала по ней, даже когда она выходила на пять минут из дома за хлебом. Мы тогда на четвертом этаже жили. Как только она за дверь, я к окну бежала, еще маленькой девочкой была. Не дотягивалась я до окна, брала табуретку, вставала и провожала ее взглядом, и махала ей рукой, пока она не скроется из вида. Мама это знала и тоже всегда оборачивалась и отвечала взмахом руки.

Когда я пошла в садик, мне было так грустно без мамы, что я нашла дырку в заборе и убежала домой. Тогда очень меня и мою маму ругали в саду, а я не понимала, чем я виновата.

Когда мама привозила нас с сестрой в деревню на лето к бабушке, я тоже очень скучала. И бабушка сказала, что будет легче, если писать маме письма. Писать часто и обо всем, что я хочу и что делаю, свои мысли записывать. И я стала писать.

«Мамочка, идет дождик, я сижу у окна и читаю книгу, книга очень интересная, вчера взяла в библиотеке. Бабушка печет блины в сенцах, сегодня утром она нам варила варенье из черноплодной рябины с яблоками. Ждем тебя очень. Когда ты приедешь?»

Это был разговор с мамой каждый день, ведь телефона тогда не было еще в деревне, только один на почте. А еще я прикладывала в каждый конверт то цветочек ее любимый, то листочек, чтобы письмо живое было. Я знала, что цветочек засохнет, но верила, что маме так дойдет моя любовь к ней.

И было бы все, наверное, так же хорошо между нами, если бы не моя первая любовь. Мне тогда пятнадцать было. Совсем еще девочка. А ему около сорока. Колей его звали. Я тогда не знала еще, что любовь может быть такой сильной. Я смотрела в его сторону и чувствовала, что внутри где-то в груди бежит волна – да такая же, как в море, бушующая, и она с такой силой ударяет в голову, что не знаю, есть ли пловцы, которые смогли бы устоять. И приходится нырять в эту волну, подныривать под нее и выплывать уже совсем другим человеком. Человеком, который влюблен. Страшная эта сила. Зат-

мевающая все вокруг. Вот такое со мной произошло. Бедная моя мама. Она пыталась поговорить со мной, но я не слышала. Ругала меня, но я только сильнее боролась за свою любовь.

– Доченька, вы же не сможете быть вместе, – говорила она.

Но я ледяным тоном отвечала: «Нет, будем!»

А моя бабушка молчала и ничего мне не говорила. Часто я видела, как делает она что-то, а сама будто не здесь. Я спрашивала: бабушка, о чем ты думаешь? А она смотрела на меня мокрыми глазами с большой тоской, сначала только вздыхала, когда я маленькая была, а потом рассказала. Что была у нее одна только любовь – и на всю жизнь. Она вышла замуж и была счастлива семь лет, так что хватит на несколько жизней этого счастья. Как она рассказывала, спали они только губы в губы, по-другому не могли. Очень сильно любили друг друга. Но не было у них детей. А тут еще и война Великая Отечественная началась. Они в Москве были, работали много, бабушка забрала своих сестер из деревни, под Ельней, где они жили, там опасно совсем стало. И стали к младшей сестре военные ребята заглядывать, хоть и война была, а жизнь все равно продолжалась. Как не вернется муж с работы, то один парень у них дома, то другой. И забеременела в это тяжелое время моя бабушка. Сколько ждали, а тут война, 1943 год шел. Соседи и говорят: «Коля, твой ли ребенок будет?» Вот злые языки завистливые. Коля и поверил, что солдаты к жене его ходили. Бабушке рожать пора, а Коля: не мой это ребенок, и все. Бабушка сильная была. Родила. А Коля даже не пришел в роддом. Не смогла бабушка простить его. Ушла вместе с дочкой от него. И любила его всю свою жизнь. А когда мама моя подросла, очень хотела она отца своего увидеть. Нашла его моя бабушка. Надели они свою самую красивую одежду. Бабушка тогда уже директором комбината была, мама моя в институте училась. Приходят они к Коле. Открывает он дверь и не верит. Дочка – точная копия его. Все черты подобрала. «А где же курносый нос?» – только и спросил Коля. Ведь родилась мама курносая. И стал Коля бабушку мою просить простить его. Умолял ее, но не простила она. А потом узнала она, что удар с ним случился, не смог он уже жить с таким горем, сердце не выдержало. Вот бабушка и винила себя, что не простила тогда Колю. Сквозь жизнь пронесла она свою любовь и тяжесть на сердце. Рассказывала она мне очень часто о своей любви. И в мою любовь не лезла. «Твоя это жизнь, – говорила она. – Тебе и решать». Вот эта история моей бабушки и давала мне силы бороться. Бороться за моего Колю.

И была у меня эта любовь платоническая. Моя к нему – как к мужскому идеалу, и его ко мне – как к девочке-подростку, с большими влюбленными глазами. Мы и не виделись почти. Любили на расстоянии. Однажды, когда мы снова встретились, он показал мне звезду на небе самую яркую и сказал: «Смотри на нее, когда хочешь подумать обо мне, и знай, что я тоже всегда буду смотреть на нее с мыслями о тебе». Это была последняя наша встреча. Мама запретила мне встречаться с ним. И я плакала в подушку и любила. Очень любила звездные ночи, тогда я в окошечко смотрела на небо, – и мы были вместе.

А ведь у мамы моей тоже Коля был. Любила мама его. Он был моим крестным. В Балтийске он жил, в закрытом городе. И служил на военном корабле. Коля тоже любил маму, но его мама была против этого брака. Хоть и в разводе моя мама уже была, но две дочки тогда уже у мамы было. Зачем ему женщина с двумя маленькими детьми, думала так за него мама. И не смогли они быть вместе. Мало прожил Коля: то ли служба была тяжелая, то ли о маме моей скучал. Но умер он рано.

Прошли годы...

Когда я выросла и сама стала уезжать из дома в разные города и страны, я тоже всегда ото всюду присылала маме открытки со словами: «Мамочка, я тебя люблю». Я, конечно же, не держала обиды на маму за ту первую мою любовь. Но было что-то, что я оставила в душе только для себя. Ведь та далекая яркая звездочка так и светит до сих пор ночью в мое окошко, и еще я так и вспоминаю мокрые глаза моей бабушки. И ее слова: «Твоя эта жизнь, тебе и решать».

Дорога

Нравилось очень нам на лето в Челновую ездить. Только дорога тогда тяжелая была из Москвы. Билеты на поезд ездили мы с мамой покупать за два месяца в Трансагентство. Очередь в кассу всегда большая была. Стоим с мамой долго, ждем. А как подходит очередь, только и успеваем сказать «До станции Кардымово на смоленский поезд 103, плацкарт. С Белорусского вокзала». И ждем, что достанется уже. Иногда билеты только в общем вагоне оставались.

Приходишь в вагон, а там людей много, вплотную все сидения забиты, в ногах еще чемоданы и рюкзаки стоят. Всю ночь сидеть приходилось тогда, не спать. Станция Кардымово маленькая. Поезд стоит две минуты. Выйти из поезда нам с мамой, сестрой и вещами было сложно. Особенно, если еще кто-то выходит. Поэтому приходилось за полчаса выходить в тамбур, чтобы первыми быть на выход. А это 3.30 ночи. По-разному выходили. Мама выходит с вещами из поезда, а мы с сестрой в поезде остаемся, или нас мама высадит, а вещи не успевает. Приходилось проводнику стоп-кран срывать.

Выходим в Кардымово. Платформа на пять вагонов всего. А как дадут нам 13-й вагон – нужно по шпалам идти. Один раз вот такая история с нами приключилась. Поехали мы в Челновую. Мне семь лет было тогда, а сестре десять. Вышли мы с мамой из поезда, темно еще было, часа четыре утра. Видим – вдалеке станция. Идем мы по шпалам. Мама говорит: «Дети, идите быстрее, пока следующий поезд не подъехал, и осторожней там, где пути меняются, чтобы ноги не зажало, когда стрелки переводят». А тут товарный поезд поехал рядом. Не успел он проехать, а с другой стороны тоже товарный поехал. Так и остались мы между поездами. Стоим, мама нас собой накрыла, и за чемоданы держимся, а с нами еще и кот наш Марсик всегда ездил. Как он тогда испугался, мама с трудом его удержала. Ветер такой от поездов был, что вот-вот сдует.

Дошли мы так еле-еле до вокзала. Вокзал маленький, но теплый. Сели мы на стулья, вокруг никого, рано очень. Мама достала хлеб, картошку в мундире, яйца вареные. Посолили. Едим. Вкусно как. И ждем автобус в Челновую. И вдруг сообщение. Отменился автобус. Сломался.

«А к вечеру будет?» – спрашивает мама.

Тогда автобус два раза в день ходил. Не знаем ничего. Как починится. Может, и неделю ходить не будет. Да такое часто было. То дорогу размочит, то водителя нет, а в этот раз сломался. А до деревни сорок километров от Кардымово.

«Что поделаешь? Пошли пешком!» – говорит нам мама.

И кот Марсик с нами. Умный кот был. Красивый. Сам голубо-серенький весь, в полосочку белую, как тигренок, а носик у него коричневый с черным ободком, глаза голубые.

Вот мы и идем: мама, я с сестрой и кот наш на поводке. Идем и за тенью наблюдаем, а она меняется постоянно, то сзади была, потом маленькая стала, а как длинная-длинная становится, значит, уже и деревня близко, вечер наступил. Так долго по дороге шли, что уже кажется, что это не я ноги передвигала, а дорога подо мной двигалась вперед. Если попутка попадалась, садились, подвозили немного нас. К вечеру добрались.

Сколько же счастья было увидеть издали сосны с двух сторон дороги. Это Челновая наша показалась. По ней нужно пройти по большаку еще минут десять до почты и повернуть налево на нашу улицу. И в конце улицы слева наш дом стоит.

Я иду и слушаю. В деревне сколько же звуков. То петух закукарекает, сверчки вокруг стрекочут, ласточки щебечут, вот корова где-то замычала. Добрались, наконец. А нас здесь бабушка встречает, вот мы наобнимались. За стол посадила, накормила. И сразу спать, завтра уже будем разговаривать.

Баба Тоня

Раньше в деревне всем прозвища давали. Была у нас баба Поля Прокурор, Рубаниха баба Маня, а баба Тоня наша была Шаманиха. Лечила она всех заговором. По всей Смоленской области она известна была, может, и дальше даже. Как ни приду к бабе Тоне домой, обязательно машина у ее калитки стоит, значит, опять люди приехали. Никому баба Тоня не отказывала.

Денег не брала. Нельзя брать, а то дар заговаривать пропадет. Можно только продукты принимать. Вот и несли ей, чем только не одаривали бабу Тоню. А раз пришла я к ней. А у ее дома стоит мужчина пожилой уже, согнутый весь в крючок. Говорит, не могу, поясница отнимается, разогнуться не могу, так схватило. Так баба Тоня его положила между сенцами и комнатой на порог. Хочу я выйти из дома и вижу: лежит он на пороге, рубашку завернул, а баба Тоня рядом стоит с топором. В одной руке топор, а в другой веточки держит; то ли березовые, то ли дубовые. Кладет их ему на поясницу и начинает на нем рубить топором. Порубила, молитву приговаривая.

«По кругу по кругу...» – слышу, она говорит и пальцем по стене круг рисует. Потом вышла из дома, в печь на улице положила те веточки порубленные и сожгла.

Мужчина встает и кланяется бабе Тони в ноги: «Спасибо тебе. Прошло у меня все».

Столько чудесных случаев у меня на глазах происходило! И детей много привозили к ней. Всем помогала. Но в деревне Шаманиху побаивались. Могла она и заклятье на человека наложить.

Один раз иду я уже вечером к ней домой, смеркалось. А наши дома через два дома на одной улице стояли. Вижу, идет баба Тоня тоже по дороге, быстро идет, с конца нашей улицы к своему дому. Со мной сравнялась, я хотела поздороваться, а она как отпрыгнет от меня в кусты, будто бы перелетела. Только увидела я тогда взгляд ее, уж сколько же в том взгляде было нечеловеческого, огнем он горел. Я испугалась и бегом к ней домой побежала. Зашла в дом и жду, пока баба Тоня дойдет. Приходит она минут через десять. Будто бы я и не ее на дороге видела. Спокойная, улыбается, а про этот случай молчит. Я тоже промолчала.

Знала я, что есть у нее какое-то колдовство: нужно ночью на перекресток дорог выйти и закопать на их пересечении что-то. Не знала я подробности. Для меня это уже привычно все было. Такая жизнь у нашей бабы Тони была.

Раньше, особенно в деревнях, часто такое было. Помню я, как бабушка рассказывала, что выходит она на порог дома своего утром рано, а у нее около порога бетон лежал, чтобы грязи не было. И видит: в центре дорожки бетон лопнул и вырос за ночь красивый цветок ярко-красного цвета. Бабушка быстрее сорвала его и выкинула. А соседка выходит и говорит ей: «Что ж ты, Маруся, сорвала цветок, это же я тебе для хорошей жизни посадила». Много раз бабушка мне эту историю рассказывала, только и правда, после того, как цветок она сорвала, посыпались на ее семью несчастья: маму парализовало, с мужем разошлись.

А сколько же у бабушки на родине в деревне Нешево таких случаев было! Начиная отец ее болеть сильно, ничего понять жена не может, просто гибнет человек. И тут просыпается он и говорит: сон мне приснился. Что живет в Ельне Графиня, которая поможет. Она мне так и сказала во сне: «Приезжай ко мне, я помогу». А отец-то был еще царской закалки, суровый, не верил ни во что. Но тут поверил, говорит, поехали искать Графиню. Нашли. Приходят к ней. А она, даже не спрашивая, говорит: «Напротив вас дом стоит, там ваши родственники живут, муж хороший там, а вот жена вам завидует. Она и сделала на вас. Я вам сейчас водичку заговорю. Только ничего нельзя давать ей, если просить будет». Вернулись они домой. Только лошадь распрягли, бежит их соседка.

– Вера, дай мне сито!

Вера и дала. А воду заговоренную поставили они, как пришли, в угол комнаты, и веником прикрыли. Только Вера сито отдала, смотрят за веник, а бутылка с той водой, что Графиня дала, лопнула. Пришлось запрягать лошадь и ехать еще раз к Графине. Поругала Графиня, говорит: «Я же вам сказала – ничего давать нельзя». И еще раз воды наговорила. Перестал болеть Арсентий. Вроде наладилось все. А тут снова напасть. Дохнет скот. С коровы кожа сходит. Брали они тогда корову и подвешивали в хлеву к потолку на холщовых тканях, и корова сразу поправлялась, а как опускали на пол, снова кожа слезала. Пришлось снова ехать к Графине. И в этот раз помогла она. Перестал скот дохнуть.

Но никак не было спокойствия в их семье. Была у них в деревне женщина, пришла к Арсентию и говорит: «Хочу, чтобы ты со мной был». Арсентий аж плюнул. Терпеть он ее не мог, а тут такие разговоры. Распутная она была. А она говорит: «Все равно со мной будешь». «Уйди, не буду никогда». Разозлился он. «А вот смотри, я сейчас плюну на тебя, а ты ту слюну проглоти». Смешно стало Арсентию. «Дура ты, – говорит». Он и проглотил. Дня не прошло, стал он бредить той женщиной, да так, что сам испугался и вся семья. «Не могу, – говорит, – без нее, и все». Рассказал он все жене, как было. Жена и говорит: «Приворожила тебя она». Опять лошадь запрягли и поехали они к Графине. Графиня говорит: «Вот вам вода, по пути если кто вас остановит, будет хоть что просить, ничего не давайте». Возвращаются они обратно. А на дороге мужчина стоит, говорит: «Дай закурить». Дал Арсентий, забыв, что сказала Графиня. И не помогла ему вода, так и гибнет от любви. Поехали еще раз. «Ничего по дороге не давал никому, только закурить, но не помогает мне вода. Так и мучаюсь, извожу себя». А Графиня: «Я же сказала – не давать. Вот ты не послушал меня».

– Снова заговорила воды, и опять спасла отца Графиня, – рассказывает мне бабушка. – А как стала умирать та соседка, родственница дальняя, что делала беды им. В агонии билась она долго и кричала дочери своей: «Возьми от меня все, возьми от меня все». А дочь у нее добрая была, знала она о маме, молчала, но не поддерживала ее. Говорит: «Мама, не возьму от тебя ничего». Тогда крикнула ей мама: «Не возьмешь, так я тебя сама заберу». И сказала ей день, когда придет за ней. И умерла...

– Дочка была у нее такая умница, вся деревня ее любила, а тут вскоре, как похоронила она маму, приезжает она в Москву ко мне, – продолжила рассказ бабушка, – и говорит: «Попрошаться я приехала. Через три дня мама меня заберет». Сидит за столом грустная такая. А мама моя с бабушкой успокаивают ее: «Да что ты такое говоришь, ты же такая здоровая, и тридцати тебе нет еще». Не поверили они тогда ей. А девушка вернулась обратно домой в Нешево. Села вышивать у окна. Наступил тот час, что мама ей сказала, так и умерла вышивая.

Вот какие случаи были в деревне.

Поэтому и боялись в деревне Шаманиху, и уважали за ее труд.

А мне она как бабушка была. Столькому она меня обучила. Приду к ней, смотрю, прядет она. «Баба Тоня, научи, прошу». «Ну что ж, садись, бери веретено. Ногами крути колесо, а рукой второй нитку держи». «Ловко у тебя получается», – похвалила меня баба Тоня. Так я и прядла у нее часто, очень нравилось мне. Нитка толстая получалась. Из овечьей шерсти же делали. А один раз прихожу, баба Тоня овец стрижет, говорит: «Держи овцу, а то она ногами бьет сильно». А овца перепуганная, ноги ей связала баба Тоня, положила на бок на стол деревянный во дворе. Держу я ее, а она кричит на всю деревню, а баба Тоня стрижет. Много тогда шерсти мы заготовили.

«Поедешь со мной валять шерсть?» – спрашивает баба Тоня.

«Конечно поеду!» – обрадовалась я.

Так мне нравилось, когда меня баба Тоня с собой брала. То мы с ней на сено на тракторе поедем, то в лес, то Кралю – корову – к быку водили. А тут шерсть валять, все мне интересно было.

Поехали мы в наш районный центр. Заходим в домик. А там вокруг шерсти овечьей видимо-невидимо. И в центре стоит аппарат деревянный, туда шерсть из мешка кидаешь ту, что только срезали, ее как большие расчески чесать начинают и бросать из стороны в сторону, так бросают ее, а с другой стороны выходит шерсть уже пушистая, мягкая, словно пух. Ту, что на прялку класть можно и нитки уже прядь.

Много интересного я от бабы Тони узнала. И пироги она меня научила печь. Пироги пекли большие, как буханка хлеба, теста немного совсем было, тоненькое, чтобы обернуть только начинку. А внутри клали картошку, перемешанную с творогом. Сделали такой один пирог – и в печь, пока корочка золотистая не появится.

Печка в доме главной была. И готовила баба Тоня в печке все. А зимой еще и на буржуйке готовили. Топят в хате ее – и тепло, и готовить удобно, буржуйка раскалится так, что быстро все, как на газу, готовилось. В печке раньше и мылись. Зимой баню-то не топили, идти холодно. Вот баба Тоня затопит печь, чугунок с водой нагреет, как прогорят дрова, печь остынет, в печь залезает – и как баня у нее получается, только дома.

Вымоется и на печку наверх лезет, лежит сохнет, тепло там. На печке лежать одно удовольствие, как же я любила! Только переворачиваться надо почаще, чтобы сильно один бок не перегреть. Лежишь, ворочаешься и слушаешь, что там баба Тоня делает. Как она справлялась с таким хозяйством, я смотрела, удивлялась. Встанет в четыре утра, корову подоит и выгонит пастись. Молока ведро корова давала, его надо перегнать на творог, сметану. Часть оставить для свиней.

Скосит баба Тоня травы, потом в ступку деревянную положит, посечет мелко и молоко туда, хлеба немного. Вот и корм для свиней. Гусей и кур выпустит с утра, пшена горсть бросит, и тоже они гуляют сами себе, корм ищут. Собаке четверть буханки отрежет, мо-

лаком зальет, вот и покормила тоже – на день хватало. Кошкам молока нальет. Овцы траву сами щипали, по деревне сами гуляли, главное – посматривать, чтобы далеко не убежали, но они же умные: сами ближе к дому держались. Нутрии еще у бабы Тони жили в клетках, вот их кормили мы с сестрой. Знали уже, какую траву они любят: не всю подряд они ели. Лопухи для них самое лакомство было. Вот мы и ходили по всей деревне, лопухи соберем и нутрий кормим.

Пчелы еще у бабы Тони были. Как же я их не любила! В огород зайти страшно. Баба Тоня сетку на голову наденет и пошла к их домикам. Возвращается, по рукам пчелы ползают.

«Они же кусаются!» – со страхом говорю я.

«Нет, – отвечает с улыбкой баба Тоня. – Ползают только. Но и укусит если, только польза от них. Пчелиный яд – полезный очень». Зато как мед перегонит баба Тоня, соты для нас, детей, оставляет. Сидим мы с сестрой, кушаем их, пожем, воск выплюнем и водичкой запиваем.

Баба Тоня долго жила. Войну пережила. Во время войны она девушкой была молодой, партизанам помогала. Узнали про это немцы. На расстрел ее повели. Как она спаслась тогда, не понятно, чудо спасло. Два сына у нее было. Правда, разъехались они по городам. А как умерла баба Тоня, приехал к ней в дом младший сын жить. Не мог он больше в городе находиться. Работал он учителем живописи в школе. А как на пенсию пошел, вернулся обратно в деревню. Но недолго прожил он здесь. Сгорел ночью дом по весне, и дядя Ваня с ним.

Друзья в Челновой

Повезло нам с сестрой. Когда приезжали мы с ней в деревню на лето, много друзей нас уже здесь ждало. На нашей улице Вишневой жили в самом крайнем доме Юля и Люда, они были детьми нашего врача. Мама их мне очень помогла. Я когда совсем маленькая была, лет шесть мне было, пошли мы с бабушкой за молоком к бабе Поле Сафроновне, а бабушка всегда брала хлеба, чтобы корове дать. Она в дом зашла. А я стою у крыльца и за собакой наблюдаю. Собака около будки сидит на цепи и на меня смотрит. Вся черная, шерсть взъерошенная, видно, дворовая злая собака. А я взяла хлеб и подошла к ней. Руку протянула, она меня за руку вместе с хлебом и укусила. Да так сильно, чуть ли не насквозь прокусила. Бабушка с тетей Полей выбежала. Да поздно уже. Повела меня бабушка быстрее в медпункт, там рану обработали. «Ничего, – говорит врач, – заживет, но шрам уже на всю жизнь останется от укуса». Повезло собаке: за это ее не отравили. А то так было заведено в деревне: если где собака провинится, покусает или курицу схватит, сразу травили ее.

Хорошо раньше в деревне – и медпункт был, и школа, и библиотека, и клуб, где кино показывали, в котором работала родная сестра моей бабушки, тетя Шура, она моей крестной была. Поэтому и детей много было. Напротив дома врача – дом егеря стоял, в нем тоже две девочки, его внуки, росли – Юля и Ира, но они поменьше нас были, мало мы с ними дружили. Егеря Иван Михальчем звали. Сколько же он нам историй про лес рассказывал. Как ухаживать за ним. Кормушки показывал, которые делал. «Однажды, – рассказывал он, – я случайно медведя подстрелил, целился в утку. А он вышел прямо

на меня. Я тогда уехал от него на мотоцикле. А то бы разорвал он меня. И после этого боялся я уже пешком в лес ходить, знал я, что будет теперь этот медведь меня выслеживать. Пока не найдет – не успокоится. Такие они. А кабанов отстреливать надо. Иначе разведутся, по деревне ходить будут стадами. Вон смотри, поле наше деревенское все изрыто, это все кабаны, как вскопанное оно теперь».

Любили мы егеря. У него лошадь была. Как погонит он ее на пастбище, мы, детвора, заметим и бегом к нему. «Покатай, дядя Ваня!» «Ну, садись, только не все сразу». Сяду я на лошадь, а седла-то не было, за гриву двумя руками схвачусь и еду через всю деревню.

Егерь тот долго жил и много рассказывал о лесе. И никто не знает, что же с ним произошло потом. Но нашли его у себя в доме, застрелился он из своего ружья охотничьего.

Напротив нашего дома приезжали на лето с бабушкой трое ее внуков из Белоруссии. Оксана, Рая и Лариса. К бабе Тоне нашей Ира и Лена приезжали на лето. И это только те, кто в соседних домах жил. С ними мы и дружили. Иногда приходили к нам и с соседних улиц ребята и девчонки. Или мы к ним ходили, но это очень редко было. Времени для игр у нас мало было. Утром всегда в лес ходили за грибами или ягодами. Богата Смоленщина лесами. Земляника, черника, малина, голубика, ежевика, брусника, клюква... А ближе к осени, когда ягоды проходят, то орехи собираем. Ягоды принесем, садимся перебирать их, потом варить варенье. А если грибы принесем, то переберем, на колодец отнесем, помоем их несколько раз. Печку на улице рядом с домом растопим, в чугуны грибы положим и варим полтора часа. А потом засаливаем.

И на огороде тоже много дел было. Все же тогда сами выращивали. То полоть надо, то окучивать, то колорадского жука собирать с картошки. С одним луком сколько забот было. Прополешь сначала грядку, потом золу из печки выгребешь, и на лук, чтобы не ел его никто. А после шли мы с Олей на конец деревни, там пилорама была. Набирали опилки. И их по грядке лука раскидывали. Вот теперь хороший лук будет.

Поливать огород через день нужно, когда дождика нет. А то в жару и каждый день поливали. А чтобы полить, воду из колодца принести надо с утра, в баки налить, чтобы согрелась вода на солнышке, а то растения от холодной воды болеть будут, а к вечеру в лейку переливать и поливать огород. Всех дел и не перечислить, сколько их в деревне.

Еще и на Днепр поплавать хотелось сходить. А это три километра до деревни Ковали и от нее еще до пляжа песчаного дойти надо. Ходили пешком, потом обратно. А играть и бегать с подружками тоже очень хотелось. Сколько же разных игр мы придумывали. Нравилось нам в доктора и больных играть, залезали мы в старый сарай с сеном, там больницу из него сделали, кровать смастерили. И ходили лечиться туда, уколы делать травинками. В школу играли. Постарше – Рая с Людой – учителями были. А я, Оксана, Лариса и сестра моя Оля, мы – ученики.

Строили целые дома из песка и в гости друг к дружке ходили. Концерты ставили, афиши рисовали. Лепили из глины. В бадминтон и мячик играли. Так весело было. Была еще у нас любимая игра. Опасная она была, но мы тогда детьми были. Втайне от взрослых брали мы ножики. Рисовали на дороге на песке большой круг и делили его на каждого. И надо было ножик воткнуть так в землю, чтобы кусок побольше себе от других отрезать. Кто выигрывал, тому весь круг доставался. Вот такие мы были отчаянные.

В поля мы бегали горох собирать вместе, подсолнухи. А бегали-то босиком все. Бежишь по полю, даже ног не видно, трава высокая же, а там камни, только и думаешь, как бы ноги бочком поставить, чтобы сильно не поцарапать. А один раз я так бежала за

подружками, бежим по тропинке около леса, не до того нам, чтобы под ноги смотреть. А тут посмотрела я. Не вперед, а назад уже, чувствую, перепрыгнула я кого-то. А там посреди дорожки гадюка лежит, черная вся, свернулась клубочком, голову подняла и шипит на меня. Вот испугалась я тогда и еще быстрее побежала. Знала я, что не уж это, ужа я сразу примечала, у него желтенькое на голове светится, а тут блестит черным все тело, переливается. Красивая гадюка, но, когда босиком чуть было на нее не наступила, страшно.

Вот принесем мы с подружками гороха, подсолнухов, одеяло на траву положим под большой сосной в тенечек и сидим кушаем. А однажды смешной случай приключился. Приходит к нам Юля с Людой. Предлагают: «А давайте деньги зарабатывать?» «Как?, – спрашиваем». «Можно полынь собрать, посушить и в медпункт сдать. За деньги». Сколько же мы трудились. Огромное поле полыни нашли. Срезать ножом ее тяжело было, плохо она режется. Потом связывали веревкой ее в два пучка и чердаки наши завешивали. Сколько же мы тогда полыни насушили. Но не взяли у нас ее. Что не подошло им, и не помню уже. Но не расстроились мы тогда: не заработали – ну и ладно, зато время очень весело провели вместе.

С дальней части деревни к нам зачастил Витя ходить. Он уже взрослый был, школу заканчивал. Пловец хороший он. Любил он со мной в бадминтон играть. Как мы только не играли: и правой рукой, и левой, и спиной становились друг к другу. Нравилось ему очень.

По-разному судьба у всех нас сложилась. Но у Вити самая короткая была. Утонул он у себя на Украине в бассейне. В институте тогда он учился. Что случилось, так и не знаем. Продали родители его дом в Челновой, и больше ничего мы так и не узнали.

Свекла

– Поедешь свеклу полоть? – спросила меня бабаТоня. – Все деревенские едут в совхоз на заработки.

– Да, поеду, – покачала головой я.

Утром рано собрались, взяли тяпки, еду с собой на день. И собрались на нашей улице, стали ждать машину. Приехал грузовик с открытым кузовом. Залезли все в кузов – и я за ними. И поехали в село Быково. Нужно было сначала до деревни Ковали доехать, потом переехать Днепр через понтонный мост – и тут уже близко Быково.

Едем, с дороги пыль поднимаем, кузов-то открытый, машина на каждой кочке подсакивает. Держимся двумя руками за кузов. Песни поем. А вокруг нас поля засеянные: и рожь, и пшеница, и овес.

Вот и наше поле со свеклой. Вылезли мы из кузова рядом с полем. А поле такое, что и края не видно. Каждому дали по четыре борозды полоть. Выстроились мы рядом и пошли вперед, конец поля искать. А свекла такая тоненькая: тяпкой сорняки выкапываешь, землю рыхлишь, а ростки падают на землю, приходится их обратно еще глубже зарывать и землю вокруг них утрамбовывать. Целый день пололи мы, и к вечеру конец поля показался.

Приехала я домой совсем без сил. А наутро снова в поле. Так четыре дня мы ездили. Через месяц позвала меня баба Тоня к себе и говорит: «Вот, смотри, десять рублей твои.

Заработала. Еще комбикорм дали для свиней, себе я оставила его. Я тебе потом сала отрежу».

Хотела я маме отдать десять рублей. Но она говорит: «Оставь у себя, пусть на черный день лежат». Когда я вернулась осенью в Москву, долго любовалась на эти деньги. Гордая такая была. Сама ведь первые деньги заработала. Потом все-таки маме их отдала.

Тяжело, оказывается, первые деньги зарабатывать, потом уже все легче было. Зато сразу узнала я цену деньгам.

Краля

Вкусное молоко какое парное. Когда только из ведра его через марлечку процеживаешь и наливаешь в чашку, такое теплое оно с пеной. Пьешь – и все губы, и вокруг них потом в пене от молока.

У бабы Тони как Краля появилась, работы прибавилось. Хоть и говорят, корова – кормилица наша, так и есть. Из молока и творог, и сметану, и масло баба Тоня делает. Но мы тоже Кралей нашей много занимались, ей хороший уход нужен, чтобы она кормилицей была. Летом пасти мы ходили ее раз в двадцать дней, тогда много было коров в деревне, вот и менялся пастух каждый день: новый день – новые хозяева, следующие по очереди, коров пасут. Я очень любила, когда наша очередь подходила. В ночь ложились мы пораньше: в четыре утра же вставать надо. Одевались потеплее: куртку, сапоги резиновые – и шли собирать коров по деревне. Их выгоняют за калитку. А мы в стадо должны с бабой Тоней их собрать и отогнать на пастбище подальше от деревни. Отгоним их к лесу и смотрим, чтобы не разбежались. Коровы хоть и умные животные, но побегать и порезвиться тоже любят. Особенно если одна побежит, за ней и остальные тогда. Стадо же. Вот сидим мы на бревнышке и смотрим. Мерзнем сначала. А как солнышко начнет всходить, первые лучи еще холодные, а потом с каждой минутой все теплее и теплее. Туман расходуется, роса на траве исчезает и начинается день.

Тут и костер мы разводить начинаем. Когда посуше становится. Кушать-то хочется. С собой берет баба Тоня сало и хлеб черный. Вот и завтрак готов. Срываем мы веточки. На одну хлеб насаживаем, на другую сало. И к огню поближе. Как сало затрещит, обуглится немного – пора есть. На хлеб поджаренный кладем сало: как же вкусно получается!

Поели, костер затушили и пора дальше передвигаться. Коровы на одном месте траву кушать не любят. Им надо походить, попасть. И мы за ними. Вот и полдень наступает, пора домой коров гнать. Как подоят их, немного в хлеву они отдохнут и снова погоним их пасть. Значит, есть у нас два часа передохнуть.

Прибегаю домой. Залезаю по длинной лестнице на чердак, там спим мы с мамой и сестрой, когда ночи теплые, на сеновале. Конечно, это уже не совсем сеновал. Кладем мы сено сначала на пол, каждый год новое косим. Потом на сено матрасы, одеяла, а сверху полог вешаем от комаров, большой, из марли, – его бабушка сама шьет, восемь веревок привяжет, сверху четыре и снизу тоже. Растянем мы эти веревки в разные стороны, и получается, как домик из марли, уже никакой комарик нам не страшен. Получается царская кровать. А запахи какие! От сена пахнет. А еще на чердаке всегда веники березовые бабушка сушит, брусника лежит, созревает, зверобой, мята и дру-

гие травки сушатся для чая. Из всего этого и получается аромат нашей ночи. А вокруг сверчки стрекочут, птицы поют. Засыпать не хочется даже, только бы лежать, слушать и дышать. В ногах кошки спят всегда, как две грелки, мурлыкают тоже от удовольствия. Вот это сон был! Вот туда я и залезала, чтобы передохнуть, пока коровы в хлеву отдыхают. Лежу, отдыхаю и слушаю.

Вот и время пришло, замычали коровы, стали выводить их на улицу из калиток. Погнали мы их снова на пастбище. И пасли уже до семи вечера. И когда возвращаемся мы после такого длинного дня домой, садимся к столу и пьем парное молоко, какое же оно вкусное! А так бы и не прочувствовали вкуса молока. Только после трудового дня вкус молока может открыться до конца. Спасибо тебе, Краля, за молоко.

Но летом-то хорошо, травы полно: води на пастбище, и все. А зимой? К зиме мы особенно готовились. Надо было целую пуню набить сеном. И это только для одной Крали. Мужчины все собирались косить траву, утром выходили по росе, так трава легче косится. А женщины и дети уже ходили с граблями и вилами. Ворошили сено, подсушивали, в копешки складывали на ночь вилами. А наутро снова разбрасывали его и снова несколько раз ворошили. И так несколько дней подряд, пока не высохнет сено. А как высохнет, уже складывали на телегу и везли поближе к пуне. Сено-то косили не только рядом с домом, но приходилось и на другие далекие поля ездить. Мужчины вилами закидывали сено в пуню, а женщины и дети стояли внутри и топтали его. По углам раскидывали, чтобы больше влезло его и хватило Крале на всю холодную зиму. Какое же это удовольствие топтать сено! Вот тебе и батут. Прыгаешь что есть силы по нему.

Мы очень Кралю любили, и она нас. А красивая какая она была! Вся коричневая, глазки словно накрашенные, черненькие, ресницы длинные и взгляд умный такой. Как-то моя мама приехала из Москвы и тоже пасти пошла коров. Стульчик взяла складной, шляпу надела, как по набережной дамы ходят, газету открыла. Сидит себе на стуле и читает. А коровы-то такого чуда не видели. Встали к ней поближе и стоят смотрят. Про траву вкусную забыли. Рассматривают маму, они-то только платки и видели, а тут шляпа. Пока не сняла, так бы, наверное, и стояли они. Любопытные коровы, как люди.

Жалко, баба Тоня постарела, и пришлось ей отдать Кралю другому хозяину в соседнюю деревню. Приехала я на следующее лето к бабушке, прибегаю к бабе Тоне, а нет нашей Крали. Стоит пустой хлев, только две свиньи в углу копошатся.

За гатью

– А в этом доме полицай жил во время войны, – показывая на дом напротив, сказала баба Нюра. – Я тогда девочкой была. Сколько же он наших перестрелял. И закапывал живьем. Одну девочку так закопал, а мы успели откопать. Она жива осталась. Выросла. Детей родила. А ведь могло и не быть ее... Страшно вспоминать сейчас.

А тогда мы, детвора, смелые были. Вот там, на гати, немцы границу сделали. Около болот. Знали они, что за болотами, в новосельских лесах, партизаны жили. В болото-то немцы не лезли, жутко боялись они болот. Стояли и смотрели, кто куда идет, взрослых обыскивали, а мы же дети, не трогали нас, широкие юбки наденем, обвяжемся под юбками тряпками, а под ними – сало, хлеб. Для партизан наших. Пустые ведерки берем – и будто за ягодами. А сами так каждый день наших подкармливали.

Долго у нас в Челновой немцы стояли. Но настал час, ушли.

А вот смотри, что я нашла вчера, когда по грибы ходила в Новоселье. Каска русского бойца. Ржавая вся, плохо сохранилась. Если бы немецкая, то выбросила бы. А эту сохраню, – показала Нина рукой на тонкую проржавевшую, но сохранившую форму каску.

Следы войны везде здесь.

– А отдайте ее мне, – тихо сказал рядом стоявший сын.

– Дать поносить – могу, а вот отдать нет. Мы сами на нее смотреть хотим.

На следующее утро засобирались мы с сыном за грибами. А он все: «Поехали сегодня в Новоселье, мамочка, ну поехали».

«Зачем тебе туда, сынок? Дорога там плохая. Хоть и осушили уже те болота непроходимые, но все равно и болота, и завалы остались. Глушь за гатью». А он: «Поехали да поехали». Уговорил меня, конечно.

Приехали мы до Новосельского поля по большаку сначала, проехали, повернули на новую дорогу и там уже по лесной дороге к полю. Открывается оно так неожиданно. Лес вокруг бесконечный, и вдруг просвет впереди – и Новоселье. Только от деревни осталось кладбище и дорога к нему. И окопы вокруг в лесу. Много окопов. Хоть и заросли они и глубина уже не та, что была. Только сердцу больно все равно на это смотреть. Сразу слова бабы Нюры вспоминаешь, и представляешь, как она девчушкой здесь сало и хлеб раздавала.

– Мама, давай вдоль окопа походим, – попросил сын.

И стал внимательно окопы рассматривать. Только тогда я поняла: он каску очень найти хочет. Каску советского бойца.

Ночное

– Копчик, подойди, ложись, поедем.

Копчик сразу же теплым носом уперся в мою ладонь, показывая, как он заждался своей хозяйки. Мне было сложно дотянуться, чтобы сесть на Копчика, это былая крупная лошадь, а я такая маленькая, ростом полтора метра только. Копчик понимал это и всегда ложился, аккуратно подставляя мне свою теплую шелковистую спину. Потом вставал, и мы отправлялись с ним в ночное.

Я любила эти ночи. Только я и Копчик. Вокруг темно. Не знаю, как он разбирал дорогу, но за полчаса мы спокойным шагом доходили до соседней деревушки Пастушье, которая осталась без жителей уже как несколько лет. Старым людям сложно было добираться до Нешево, вот они потихоньку все туда и переехали. В Нешево и магазин, и почта, и дорога хорошая до центрального поселка Новоспасское. Да и кладбище тоже рядом, через дорогу, на пригорке. А там что – речки да болота, лес кругом и поля. Домики совсем развалились уже, так что их и не видно стало. Вот сюда мы и приезжали с Копчиком в ночное.

– Копчик, стой!

Копчик счастливо заржал и снова аккуратно лег на траву, дав мне слезть с него.

– Пойдем купаться!

И мы словно два друга-подростка вбежали в туманную гладь реки. Брызги и мой радостный смех вместе с топотом Копчика нарушили тишину ночи. Купались мы недолго,

август, ночи уже холодные стали. Я рукой показала Копчику, чтобы он побегал, пока я разведу костер. И под встававшей серпом на небе луне Копчик, утопая в серебряном ее свете, галопом несколько раз пронесся по полю и скрылся в тумане. Я разозгла костер и достала черный хлеб и сало. Взяв веточку, я, не торопясь, надела на нее кусочки и поднесла к пламени. Приятный хруст хлеба и аромат сала вернул Копчика ко мне.

– Что, проголодался? – спросила я. – Вот, на!

И я протянула половину хлеба Копчику. Он заржал, мягко надавив своими теплыми губами мне на руку, и убежал вдаль. Я пыталась сквозь дым рассмотреть, где же он. Но видела только огонь, глаза не могли привыкнуть к темноте, пламя костра приковало мой взгляд, и так я и уснула, сидя на земле и думая о том, где же сейчас мой Копчик.

Но очень скоро жизнь переменялась.

Копчик знал, что мне нужно уезжать в город. Совсем уезжать. Он знал, но не показывал виду, также встречая меня ржанием каждый раз, когда я проходила мимо. И я уехала. Мои родные все остались дома, и мой Копчик с ними.

Но сердце чувствовало беду. Приснился мне мой Копчик во сне. Как поехали мы с ним, как всегда, в ночное в Пастушье и бежит он от меня, а я уже теряя его вдалеке из вида, кричу что есть мочи: «Копчик, Копчик!..»

Но он не возвращается.

Приехав к своим в Нешево, я уже знала, что Копчика там не увижу... Так и оказалось: убежал Копчик, не выдержало его сердце такой тоски, говорят, в лесу волки его загрызли.

Я же ему не только другом была, но и как мама, отпоила я его из бутылочки молоком парным, когда достался он мне совсем малышом жеребенком. Копчик, что же ты не дождался меня?

Грибы-зонтики

Растут у нашего колодца в деревне грибы. Белые, с воротничком белым, большая шляпка, как у зонтика, и сверху на шляпке точки рыжие. Точно как поганка выглядят. И крупные такие вырастают. Называют их в нашей деревне зонтиками.

– Смотри, сколько я сегодня зонтиков нашла! – показывая рукой на корзинку с грибами, говорит Нина.

«Вот так грибы, – думаю я. – Поганки поганками».

– Ты что, не знаешь такие?

– Нет, – отвечаю. – Моя бабушка такие не брала. А я собираю только те грибы, которая она мне в детстве показывала.

– Так ты попробуй, – уговаривала Нина. – В муке обваляй с яйцом и пожарь по пять минут с каждой стороны. Точно вкус, как у курицы, будет.

– Спасибо, – говорю я.

А на следующий день встречаю Нину у автолавки, очередь собралась, полдеревни пришло за продуктами. Автолавка-то только два раза в неделю приезжает к нам в Челновую, по средам и субботам. И на два часа только. Про погоду поговорили, новости деревенские послушали, и зашло у нас обсуждение про грибы. Так я Нину и спрашиваю: «Как зонтики ваши вчерашние?» «Вкусные», – отвечает Нина.

А деревенские наши стоят и пытаются, о чем наш разговор.

– А, понятно! Это тебя Валя Серенькова научила те грибы есть. Тьфу, провалилась бы, но эти поганки есть бы не стала! – сказала Бакутина Наташа. И плюнула по-настоящему на траву, будто бы попробовала зонтики на вкус. – Моя мама не ела, и я не буду!

Баня

Наступил банный день. Пятница. Утром иду я по тропинке на конец деревни: раньше далеко бани ставили от домов, и так, чтобы колодец был рядом. Сохранилась такая одна баня и до наших дней. Топится она по-черному. В потолке открываешь заслонку и разжигашь печь, а дым без трубы сам себе дорогу ищет: и через дверь, и через потолок выходит. Поэтому и называется: топить по-черному. Сверху на камнях, которые черные от сажи и копоти, стоит бак. Это главный бак – там горячая вода будет.

Беру два ведра и иду на колодец. Надо наносить целый бак горячей воды и бак холодной. Думаю: как же хорошо, что Демченковы сделали вертушку у колодца. Теперь и колодец как бы их стал. А то раньше так тяжело было воду доставать. Была длинная палка, а внизу палки крюк был, за него ведро цепляешь, опускаешь палку с ведром в воду, а потом сильным и точным рывком, словно ты силач-циркач, быстро перебирая руками по палке, достаешь полное ведро с водой из колодца. И так повторяешь долго. Ведь в баке с горячей водой ведер десять воды и еще пять в баке с холодной водой. А сейчас легко стало. Зацепил ведро за крючок на цепи, раскрутил вертушку до конца, зачерпнул воды – и крути обратно до конца. Вот и полное ведро появилось. Легко. И дети смогут достать воду.

Наносила я два бака воды и положила в печь поленницу домиком, чтобы быстрее разгорелось. Теперь только осталось дрова подкладывать да водичку проверять: как кипиток будет, можно и не топить больше.

«Пойду я пока веник нарву», – посмотрев на стоящую рядом березу, подумала я. Сбегала за ножом домой, плохо у меня получается без ножа рвать. И сделала веник. Замоуч его, как уже в баню приду, в тазике.

Уже вечерело.

«Солнце в тучу садится, завтра дождь будет», – подумала я, повернув голову в сторону башни и посмотрев на линию горизонта.

Закрыв заслонку-отдушку, я побежала собираться в баню. Вечера уже холодные были: Ильин день прошел. «Илья-пророк два часа уволок», – вспомнила я. Надела все самое теплое, взяла мыло, шампунь, мочалку – и можно идти. Сын тоже засобирился. «Тоже хочу, – говорит, – в баню. Дома ванна есть, а нет, как можно баню с ванной сравнить, это я его понимаю. Баня душу моет. Пошли».

Открыли дверь и я, наклоняясь, зашла в предбанник. На гвозди, вбитые в стену, развесила одежду, и мы зашли в тепло. Тепло, но темно. Хорошо, фонарик взяла. В бане окошко малюсенькое, да и на улице темно совсем стало.

– Сынок, жарко? Ты не вставай, только на полу сиди, там не так жарко будет или иди подыши в предбанник. Натопила сегодня сильно.

Помылись. Веничком похлестали друг друга. И березовой водой волосы и тело обмыли, сказав слова заветные: «С гуся вода, с тебя худоба». Три раза сказали и пошли одеваться. Холодно-то как. Вышли из бани. А на небе звезды! Такие крупные, словно подрисовали их для нас специально. Надо под ноги смотреть, а мы все голову вверх задираем.

– Мама, смотри, ковшик, как у нас для воды в бане, – улыбаясь, сказал сын. Вот тебе и ванна. Не то это все. В следующую пятницу опять пойдем в баню.

Днепр

Течение какое, думала я, лежа на желтом песке около реки. Не понятно: река течет сначала быстро вперед, потом как бы разворачивается навстречу себе и снова течет вперед с большой скоростью.

– Это воронка, – сказала мама, как будто услышав мои мысли. – Был у нас тут в деревне один пловец. Полез спасать мальчишку, его вытолкнул из ямы, а самого засосало.

– Как это засосало? – спросила я, испуганно вскочив на ноги, будто бы я лежала на воде, а не на песке.

– Вот так и засосало, не вытащил уже никто. Днепр – река серьезная. Не какая-нибудь речка... К ней и относиться надо уважительно и с осторожностью. Плавать только там, где воронок нет. Вот слева посмотри: вода спокойная, хоть и течение есть... там можно и проплыть. Да еще, кроме этих воронок, в воде ям много. Смотри, видишь пятно темное, а рядом светлое на воде. Идешь – мелко, и вдруг провал.

– Да, я помню, – тихо сказала я.

Я помню, как из такого провала Лёнька меня вытаскивал, – девчушкой я была тогда еще маленькой. Пошла я плескаться в реке, а Лёнька на берегу сидел. Говорит, вижу, только что ленточки были, – и нет нигде. Нырнул я, успел вытащить.

Нахлебалась тогда, конечно, я, но это уже не важно. Спас меня Лёнька. Помню только, как глаза поднимаю вверх, а надо мной небо сквозь воду видно, такое красивое-красивое с облачками белыми, и все ниже и ниже я... и пустота. Да, Лёнька меня спас. Даже маме говорить не стали. Чтобы не пугать. А вот Лёньку моего не спасли. Сгорел он у себя дома в постели. Выпил, закурил и заснул.

Судьба, видимо. Все он строил дома из спичек, да такие красивые, что заглядывались люди. Видно, хотел все спички перевести. Да нет, осталась же одна, роковая.

– Пошли уже домой! – сказала мама. – Сегодня шестое августа. После Ильи не купаются. Полежали на песке и хватит.